Agatha Christie
СЕРЕБРЯНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ
Агата
Кристи
Щелкни пальцем
только раз

Томми и Таппенс Бересфорд

Агата Кристи

Щелкни пальцем только раз

«Эксмо»
1968

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Кристи А.

Щелкни пальцем только раз / А. Кристи — «Эксмо», 1968 — (Томми и Таппенс Бересфорд)

ISBN 978-5-425-03568-4

Почтенная чета Бересфордов – некогда неуемные искатели приключений Томми и Таппенс – посещает родственницу в доме престарелых. Там Таппенс случайно знакомится с одной странной старушкой, которая рассказывала всем подряд о зловещих убийствах, отравлениях и черной магии. А вскоре Бересфорды узнают о том, что эта старушка внезапно – и совершенно бесследно – исчезла из богоугодного заведения. И неугомонная Таппенс отправляется на ее поиски, несмотря на свой уже солидный возраст, – ибо чутье подсказывает ей, что дело тут и впрямь нечисто…

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-425-03568-4

© Кристи А., 1968
© Эксмо, 1968

Содержание

Книга первая 6
Глава 1 6
Глава 2 10
Глава 3 18
Глава 4 21
Глава 5 29
I 29
II 30
III 32
Глава 6 35
Конец ознакомительного фрагмента. 38

Агата Кристи
Щелкни пальцем только раз

Эта книга посвящена тем многочисленным читателям в этой и других странах, которые обращаются ко мне с вопросом: «Что случилось с Томми и Таппенс? Что они поделывают сейчас?» Мои наилучшие пожелания вам всем. Надеюсь, новая встреча с Томми и Таппенс, постаревшими, но не утратившими прежнего энтузиазма, доставит вам удовольствие!
Агата Кристи

Щелкни пальцем только раз —
Явится злодей тотчас.
У. Шекспир «Макбет»

Agatha Christie
By the Pricking of My Thumbs
Copyright © 1968 Agatha Christie Limited. All rights reserved.
AGATHA CHRISTIE and the Agatha Christie Signature are registered trademarks of Agatha Christie Limited in the UK and/or elsewhere. All rights reserved.
© Самуйлов С.Н., перевод на русский язык, 2015
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Книга первая
«Солнечный гребень»

Глава 1
Тетушка Ада

Мистер и миссис Бересфорд сидели за завтраком. Обычная пара. Сотни таких же пожилых семейных пар точно так же завтракали в это же время по всей Англии. И день был самый обычный, какими бывают пять дней из семи. Смахивало на дождь, но могло и распогодиться.

Когда-то у мистера Бересфорда были рыжие волосы. Рыжина проглядывала кое-где и теперь, но уже в песочно-сероватой массе, как часто случается у рыжих по достижении середины жизни. У миссис Бересфорд волосы были когда-то черные – копна задорных кудряшек. Теперь в черном мелькали выскочившие произвольно предательские седые прядки. Выглядело это весьма эффектно. Миссис Бересфорд как-то задумала покрасить волосы, но потом пришла к выводу, что больше нравится себе такой, какой ее сотворила природа. Вместо этого она, чтобы взбодриться, решила попробовать новый тон губной помады.

Пожилые супруги за завтраком. Приятная, но ничем особенным не примечательная пара. Так сказал бы сторонний наблюдатель. Будь этот наблюдатель молод – или молода, – он добавил бы: «О да, приятные люди, но ужасно скучные, разумеется, как и все старики».

Тем не менее мистер и миссис Бересфорд еще не достигли той жизненной поры, когда бы они думали о себе как о стариках. И им было невдомек, что их самих, как и многих других, могут автоматически объявить жутко скучными исключительно на этом основании. Разумеется, только молодежь, снисходительно подумали бы они, ведь молодые ничего не знают о жизни. Бедняжки, им ведь постоянно приходится из-за чего-то беспокоиться: из-за экзаменов, личной жизни, покупки какой-то невероятной обновки или сотворения чего-то необычайного с прической – чтобы еще больше выделиться. Мистер же и миссис Бересфорд, со своей точки зрения, полагали, что пребывают в цвете лет. Они нравились себе и нравились друг другу, и жизнь их текла день за днем, тихо и спокойно, но не без приятственности.

Как и у всех, случалось, конечно, всякое.

Мистер Бересфорд открыл письмо, пробежал его глазами и отложил, добавив к небольшой стопке у левой руки. Поднял следующее, но вскрывать не стал. Оно так и осталось в руке. На письмо мистер Бересфорд не смотрел, а смотрел на подставку для тостов.

– Что случилось, Томми? – спросила супруга, понаблюдав за ним недолго.

– Случилось? – рассеянно повторил тот. – Случилось?

– Вот я и спрашиваю.

– Ничего не случилось. А что должно случиться?

– Ты о чем-то подумал, – обвиняющим тоном заявила Таппенс.

– Не думаю, что я вообще о чем-то подумал.

– Нет, подумал. Что-то случилось?

– Ничего. А что должно случиться? Пришел счет от водопроводчика, – добавил он.

– О, – произнесла Таппенс с видом человека, получившего исчерпывающее объяснение. – И сумма, надо полагать, превышает ожидавшуюся.

– Естественно, – сказал Томми. – Как всегда и бывает.

– Не знаю, почему мы не выучились на водопроводчиков, – вздохнула Таппенс. – Если б ты выучился на водопроводчика, а я стала бы подручной водопроводчика, мы бы каждый день загребали кучу денег.

– С нашей стороны было очень недальновидно не заметить таких возможностей.

– Так ты сейчас на счет смотрел?

– О нет, всего лишь просьба о пожертвовании.

– Несовершеннолетние правонарушители? Расовая интеграция?

– Нет. Просто они там открывают новый приют для стариков.

– Что ж, во всяком случае, это куда разумнее, но только я не понимаю, почему ты так встревожился, едва взглянув на него.

– Вообще-то, я об этом и не думал.

– Ладно, тогда о чем ты думал?

– Наверное, вспомнил кое-что, – сказал мистер Бересфорд.

– Что? Ты же знаешь, что в конце концов все равно об этом мне скажешь.

– Нет, правда, ничего важного. Я просто подумал, что, может быть, тетушка Ада…

– А-а, понятно, – мгновенно отозвалась Таппенс и мягко, задумчиво добавила: – Да. Тетушка Ада.

Они посмотрели друг на друга. К сожалению, в наше время почти в каждой семье существует проблема того, что условно можно назвать «тетушкой Адой». Имена разные – тетушка Амелия, тетушка Сюзанна, тетушка Кэти, тетушка Джоан… Они могут быть бабушками, пожилыми кузинами и даже двоюродными бабушками. Но они существуют и представляют собой проблему, которую приходится как-то решать. Что-то приходится организовывать. Посещать и проверять дома престарелых, задавать уйму вопросов. Искать рекомендации у врачей, расспрашивать друзей, у которых была своя «тетушка Ада», жившая «весьма счастливо, пока не умерла» в «бэксхильских “Лаврах” или “Веселых лужках” в Скарборо».

Прошло то время, когда тетушка Элизабет, тетушка Ада и остальные оставались в доме, где прожили долгие годы и где о них заботились преданные, пусть и несколько деспотичные старые слуги. И такое положение прекрасно устраивало обе стороны. А еще были бесчисленные бедные родственники, нуждающиеся племянницы, полоумные незамужние кузины – и они все хотели жить в уютном доме, с трехразовым питанием и мягкой постелью. Спрос и предложение уравновешивали друг друга, и все шло хорошо. Теперь многое изменилось.

Сегодня особого внимания и ухода требуют не только пожилые леди, которые из-за артрита или других ревматических недомоганий подвержены падениям с лестницы, когда остаются одни в доме, страдают от хронического бронхита или ссорятся с соседями и оскорбляют продавцов.

К сожалению, сегодняшние тетушки доставляют намного больше проблем, чем юное поколение, расположившееся на противоположном краю возрастной шкалы. Детей можно отправить в семейный приют, сбагрить родственникам или отослать в подходящую школу, где они будут оставаться даже на каникулы. Для них придуманы катания на пони и летние лагеря, и вообще, дети почти не возражают, когда ими так или иначе распоряжаются. Тетушки – совсем другое дело. Тетя самой Таппенс – вернее, ее двоюродная бабушка Примроуз – отличалась особенной неуживчивостью. Угодить ей было невозможно. Стоило ей только поступить в очередное заведение, гарантировавшее хорошие условия проживания и уровень комфорта, достойный пожилой леди, как за несколькими в высшей степени комплиментарными письмами в отношении нового учреждения следовало известие, что она покинула его в глубочайшем негодовании, никого о своем решении не уведомив. «Невозможно. Я просто не могла оставаться там ни минутой больше!»

За один лишь год тетушка Примроуз сменила одиннадцать заведений и в конце концов написала, что встретила очаровательного молодого человека. «Такой милый и внимательный мальчик. Лишился матери в юном возрасте, и о нем совершенно некому позаботиться. Я сняла квартиру, и он собирается переехать ко мне. Нас обоих такое решение устраивает как

нельзя лучше. Мы – родственные души. Так что, дорогая Пруденс, тебе ни о чем больше не надо беспокоиться. Будущее мое обеспечено. Завтра я встречаюсь с моим адвокатом и собираюсь сделать кое-какие распоряжения в пользу Мервина на тот случай, если умру раньше его, что, конечно, соответствует естественному ходу вещей, хотя, уверяю тебя, в данный момент я чувствую себя распрекрасно».

Таппенс тут же поспешила на север (несчастье случилось в Абердине). Полиция, однако, прибыла туда раньше и забрала обаятельного Мервина, которого, как оказалось, разыскивала довольно давно по обвинению в мошенническом вымогательстве денег. Тетушка Примроуз возмущалась и говорила о преследовании, но после нескольких судебных заседаний (где речь шла о двадцати пяти подобных случаях) мнение о своем протеже поневоле переменила.

– Знаешь, Таппенс, думаю, мне надо съездить к тетушке Аде, – сказал Томми. – Мы давно ее не навещали.

– Наверное, – без большого энтузиазма отозвалась Таппенс. – Сколько?

– Должно быть, около года, – прикинул Томми.

– Больше. Я думаю, год с лишним.

– Вот время-то летит, да? Поверить не могу. Неужели так долго? И все же ты, наверное, права. – Томми задумался. – Ужасно, когда вот так вот забываешь человека. Мне даже не по себе из-за этого.

– Тебе винить себя не за что, – сказала Таппенс. – Мы ведь посылаем ей что-то и пишем письма.

– Да, знаю. Ты прекрасно с этим справляешься. Но все равно, иногда прочтешь что-то такое и поневоле расстроишься.

– Ты имеешь в виду ту книгу, которую мы взяли в библиотеке? Про тех несчастных, бедных старичков. Как они страдали…

– Наверное, так оно и было на самом деле.

– Да, – согласилась Таппенс, – наверное, так оно где-то и есть. И есть несчастные люди, которые просто обречены страдать, и по-другому они не могут. Но что еще можно сделать, Томми?

– Ничего, кроме того, что всем нужно быть внимательными и осторожными. Выбирать как можно тщательнее, выяснять все заранее и стараться сделать так, чтобы человек попал к хорошему доктору.

– Приятнее доктора Мюррея и быть никого не может. Уж это ты должен признать.

– Да. – Тень беспокойства слетела с лица Томми. – Мюррей – отличный парень. Доброжелательный, терпеливый. Если б что-то пошло не так, он обязательно дал бы нам знать.

– Так что тревожиться тебе совершенно не о чем, – резюмировала Таппенс. – Сколько ей сейчас?

– Восемьдесят два. Нет, погоди… Кажется, уже восемьдесят три. Ужасно, должно быть, когда все умерли, а ты живой.

– Это только *нам* так кажется, – возразила Таппенс. – *Они* так не думают.

– Ты не можешь говорить за них.

– Хорошо, твоя тетушка Ада так не думает. Вспомни, с каким ликованием она рассказывала о своих подругах, которых пережила. И как добавила в конце, что «слышала, будто Эми Морган не протянет и шести месяцев. Раньше, бывало, все твердила, что я такая слабая и хрупкая, а теперь-то можно почти с уверенностью сказать, что я ее переживу. И переживу на много-много лет». Она говорила об этом с торжеством.

– И все равно… – начал Томми.

– Знаю, – перебила его Таппенс. – Знаю. Ты все равно чувствуешь себя обязанным и едешь.

– А ты не думаешь, что я прав?

– Увы, я действительно думаю, что ты прав. Абсолютно прав. И я тоже поеду, – добавила она с ноткой самоотверженности.

– Нет, – возразил Томми. – Зачем тебе ехать? Она не твоя тетушка. Поеду я.

– А вот и нет. Я тоже хочу пострадать. Будем страдать вместе. Тебе это удовольствия не доставит, и мне не доставит, и тете Аде, уверена, тоже не доставит. Но раз надо, значит, надо.

– Нет, я не хочу, чтобы ты ехала. Помнишь, как она нагрубила тебе в последний раз?

– Ничего страшного. Из всего нашего посещения ее только этот момент и потешил. Я уж точно зла на нее не держу.

– Ты всегда была с ней мила и вежлива, хотя она никогда тебе особенно не нравилась, – сказал Томми.

– Тетя Ада и не может никому нравиться. По-моему, никому и не нравилась.

– Стариков нельзя не жалеть.

– А по-моему, можно, – заявила Таппенс. – Я не такая прекраснодушная, как ты.

– Ты – женщина, поэтому в тебе и жалости меньше, – сказал Томми.

– Может быть, и так. В конце концов, женщинам в силу нехватки времени ничего и не остается, как быть реалистами. Да, мне очень жаль старых и больных, если они приятные, милые люди. Но если они не приятные и не милые, то, согласись, это совсем другое дело. Если человек противен в двадцать лет, потом противен в сорок и еще противнее в шестьдесят, а к восьмидесяти становится сущим дьяволом, то я просто не понимаю, почему его нужно как-то особенно жалеть. Только из-за того, что он старый? Себя-то ведь не изменишь. Я знаю милых старушек, которым и семьдесят, и восемьдесят. Миссис Бошан, например, и Мэри Карр, и внучка пекаря, миссис Поплет, которая приходила к нам убираться. Все они такие лапочки, и вот для них я бы сделала все.

– Ладно, ладно, будем реалистами, – сказал Томми. – Но если ты и в самом деле хочешь проявить благородство и поехать со мной…

– Я хочу поехать с тобой. В конце концов, я и вышла за тебя, чтобы быть вместе в радости и горе, а тетушка Ада определенно горе. Так что я поеду с тобой, рука об руку. Возьмем букет цветов, коробку шоколадок с мягкой начинкой и, может быть, парочку журналов. Можешь написать мисс Как-ее-там и сообщить, что мы приедем.

– Как насчет следующей недели? Если ты не против, меня устроил бы вторник.

– Пусть будет вторник, – согласилась Таппенс. – Как ее зовут? Все время забываю… она там то ли сестра-распорядительница, то ли управляющая, то ли кто еще… Начинается с «П».

– Мисс Паккард.

– Вот-вот.

– Может, на этот раз будет по-другому, – вздохнул Томми.

– По-другому? В каком смысле?

– Да я и сам не знаю. Может, случится что-нибудь интересное.

– Может, мы попадем в железнодорожную аварию, – повеселела Таппенс.

– Господи, почему тебе так хочется попасть в железнодорожную аварию?

– Да я, в общем-то, и не хочу. Просто…

– Просто что?

– Ну, хотелось бы какого-то приключения, разве нет? Мы могли бы спасти кому-нибудь жизнь или сделать что-то полезное. Полезное и в то же время волнующее.

– Мечты, мечты! – произнес мистер Бересфорд.

– Знаю, – согласилась Таппенс. – Просто иногда заводятся такие вот мысли.

Глава 2
Так ребеночек был ваш?

Как именно «Солнечный гребень» получил свое название, сказать трудно. Ничего такого, что придавало бы ему сходство с холмистой грядой, в нем не было. Местность, в которой расположился приют, была равнинная, что вполне отвечало запросам его пожилых обитателей. Рядом раскинулся большой, но ничем особенным не примечательный сад. Само здание, солидный особняк викторианской постройки, содержалось в хорошем состоянии. Приятные тенистые деревья, расползшиеся по стенам лозы дикого винограда и парочка араукарий придавали пейзажу вид несколько экзотический. На облюбованных солнцем местах расположились удобные скамеечки и несколько садовых кресел, а укрыться от восточных ветров старушки могли на закрытой веранде.

Томми нажал кнопку звонка, и дверь через какое-то время открыла молодая, слегка встревоженного вида женщина в нейлоновом халате. Проводив гостей в небольшую гостиную, она, чуточку запыхавшись, сказала:

– Я скажу мисс Паккард. Она вас ждет и спустится с минуты на минуту. Вы ведь можете немножко подождать, правда? У нас небольшая проблема с мисс Кэрруэй. Проглотила наперсток. Снова.

– Да как же так получилось? – удивленно спросила Таппенс.

– Она делает это нарочно, забавы ради, – коротко объяснила сиделка. – И уже не в первый раз.

Сиделка удалилась.

– Не думаю, что стала бы глотать наперсток, – задумчиво сказала Таппенс, усаживаясь. – Только представить, как он скачет вниз… Ужасно, правда?

Ждать пришлось недолго. Дверь открылась, и в комнату, извиняясь на ходу, вошла мисс Паккард. Это была крупная, с песочного цвета волосами особа лет пятидесяти. Лицо ее выражало уверенность и спокойную деловитость, неизменно восхищавшую Томми.

– Мистер Бересфорд, извините, что заставила ждать. Здравствуйте, миссис Бересфорд. Всегда рада вас видеть.

– Слышал, кто-то что-то проглотил, – сказал Томми.

– А, это вам Марлен сообщила? Да, мисс Кэрруэй. Постоянно что-нибудь проглатывает. Трудный случай; ведь за всеми, как вы понимаете, не уследишь. Обычно так делают дети, но для пожилой женщины такое хобби довольно странно, не правда ли? И, знаете, у нее это все чаще и чаще. С каждым годом только хуже. Самое забавное, что ей самой, похоже, все нипочем.

– Возможно, ее отец был шпагоглотателем, – предположила Таппенс.

– Весьма интересная идея, миссис Бересфорд. Во всяком случае, это многое объясняло бы… – Мисс Паккард повернулась к Томми. – Я сообщила мисс Фэншоу, что вы приезжаете. Вот только не знаю, поняла ли она, о чем речь. У нее это не всегда получается.

– Как она в последнее время?

– Боюсь, сдает, причем довольно быстро, – сочувственно сказала мисс Паккард. – Что воспринимает, а что нет – этого толком никто не знает. О вашем приезде я сообщила ей вчера вечером, и она ответила в том духе, что я, должно быть, ошиблась, потому что сейчас идут занятия. Наверное, думает, что вы еще в школе. Бедняжки, они так во всем путаются, особенно в том, что касается времени… А сегодня, когда я напомнила ей о вашем визите, она заявила, что это невозможно, потому что вы умерли. Ничего, – бодро добавила мисс Паккард, – полагаю, мисс Фэншоу узнает вас, когда увидит.

– Как у нее со здоровьем? Без особых изменений?

– Думаю, все примерно так, как и следует ожидать. Откровенно говоря, боюсь, с нами она пробудет недолго. Нет, у нее ничего не болит, но ведь и сердце крепче не становится. Скорее, наоборот. Так что вам стоит подготовиться, чтобы, если она вдруг скоропостижно скончается, известие не стало для вас шоком.

– Мы принесли ей цветы, – сказала Таппенс.

– И коробку шоколадных конфет, – добавил Томми.

– Вы так добры к ней. Она будет очень рада. Поднимитесь сейчас?

Томми и Таппенс встали и проследовали за мисс Паккард, сначала из комнаты, а потом вверх по широкой лестнице. Они шли по коридору, когда одна из дверей распахнулась и выпорхнувшая из комнаты маленькая, не больше пяти футов ростом, старушка провозгласила громким, пронзительным голосом:

– Хочу какао. Хочу какао. Где нянечка Джейн? Я желаю какао.

Из соседней комнаты тут же вышла женщина в форме сиделки.

– Ну-ну, успокойтесь, дорогуша. Все хорошо. И какао вам уже приносили. Вы выпили его двадцать минут назад.

– Нет, не выпила. Мне его не приносили, это неправда. Я хочу какао.

– Хорошо. Раз уж так, вам принесут вторую чашку.

– Я не могу выпить вторую чашку, если у меня не было первой.

Они прошли дальше. В конце коридора мисс Паккард коротко постучала, открыла дверь и вошла.

– Вот вы где, мисс Фэншоу, – сказала она жизнерадостным тоном. – А к вам сегодня племянник приехал. Мило, не правда ли?

Лежавшая на кровати у окна пожилая леди поднялась с подушек. Седые волосы напоминали стальную проволоку; на тонком, морщинистом лице выступал крупный, с высокой горбинкой нос, а общее выражение свидетельствовало о глубоком неудовольствии.

Томми подошел ближе.

– Здравствуйте, тетушка Ада. Как вы себя чувствуете?

Не обращая на него внимания, старуха сердито обратилась к мисс Паккард:

– Уж и не знаю, о чем вы только думаете, допуская джентльменов в спальню леди. Такое в дни моей юности считалось непозволительным! Да еще говорите, что это мой племянник… Кто он? Водопроводчик или электрик?

– Ну-ну, – с мягкой укоризной сказала мисс Паккард, – это не очень-то вежливо.

– Я – ваш племянник, Томас Бересфорд. – Томми протянул коробку с конфетами.

– Меня вам не провести, – заявила тетушка Ада. – Я таких знаю. Говорите, что хотите. А кто эта женщина? – Она неприязненно посмотрела на Таппенс.

– Я – Пруденс[1], – пояснила миссис Бересфорд. – Ваша невестка Пруденс.

– Какое нелепое имя, – фыркнула тетушка Ада. – Как у горничной. У моего двоюродного дедушки Мэтью была горничная, которую звали Комфорт, и домработница Риджойс[2]. Из методистов. Но моя двоюродная бабушка Фэнни быстро все это прекратила. Сказала, что в *своем* доме будет звать ее Ребеккой.

– Я принесла вам розы, – сказала Таппенс.

– В больничной палате цветы ни к чему. Только кислород поглощают.

– Поставлю-ка их в вазу, – заметила мисс Паккард.

– Ничего подобного вы не сделаете. И вам бы уже следовало понять, что я в своем уме.

– По-моему, тетя, вы в неплохой форме, – изрек мистер Бересфорд. – Я бы сказал, в бойцовской.

---

[1] Пруденс (*англ.* Prudence) – *букв.* благоразумие, рассудительность.

[2] Риджойс (*англ.* Rejoice) – *букв.* ликовать, радоваться.

– Меня не проведешь. И почему это ты называешь себя моим племянником? Как, ты сказал, тебя зовут? Томас?

– Да. Томас. Или Томми.

– Впервые слышу. Племянник у меня только один и был, Уильям. Погиб на последней войне. Оно и к лучшему. Остался б жив, добра бы из него все равно не вышло. – Мисс Фэншоу откинулась на подушки и повернула голову к мисс Паккард. – Уведите их. И больше чужих ко мне не приводите.

– Думала, гости вас немного взбодрят. – Мисс Паккард с невозмутимым видом пожала плечами, а тетушка Ада грубовато хохотнула.

– Ладно, – бодро сказала Таппенс. – Тогда мы пойдем. Розы я оставлю. Может, вы еще передумаете. Идем, Томми. – Она повернулась к двери.

– Что ж, до свидания, тетушка Ада. Жаль, что вы меня не вспомнили.

Таппенс и мисс Паккард вышли в коридор, и Томми последовал было за ними, когда мисс Фэншоу подала голос.

– Вернись, – окликнула она. – Я прекрасно тебя знаю. Ты – Томас. Раньше рыжим был. Волосы цвета морковки. Вернись. Я с тобой поговорю. Не хочу при той женщине. И не надо было ей притворяться твоей женой. Уж я-то знаю. Таких женщин сюда приводить не следует. Подойди. Сядь на этот вот стул и расскажи о своей матери. А ты уходи, – добавила тетушка Ада, отмахиваясь напоследок от остановившейся в нерешительности Таппенс. Та тут же ретировалась.

– Опять не в духе сегодня, – невозмутимо прокомментировала мисс Паккард, спускаясь по ступенькам. – Иногда бывает вполне милой. Трудно поверить, да?

Опустившись на указанный тетушкой стул, Томми мягко заметил, что рассказать о матери ему особенно нечего, поскольку она умерла почти сорок лет назад. Тетю Аду это заявление ни в коей мере не смутило.

– Так давно? Странно… Что ж, время летит быстро. – Она задумчиво посмотрела на Томми. – Почему ты не женился? Найди какую-нибудь приятную, заботливую женщину – пусть бы присматривала за тобой. Поди, не молодеешь. Перестань связываться с этими распутницами и приводить их сюда. И не позволяй ей выдавать себя за твою жену.

– Вижу, в следующий раз придется сказать Таппенс, чтобы захватила брачное свидетельство, – вздохнул Томми.

– Так ты сделал из нее честную женщину?

– Мы женаты более тридцати лет. У нас сын и дочь, и у каждого из них своя семья.

– В том-то и беда, – пожаловалась тетушка Ада, ловко меняя тему и уходя в сторону, – что никто мне ничего не рассказывает. Если б ты держал меня в курсе…

Спорить Томми не стал. Когда-то давно Таппенс наложила на него нечто вроде судебного запрета. «Если кто-то, кому за шестьдесят пять, предъявляет тебе претензии, не спорь. Не пытайся доказать, что ты прав. Сразу же извинись, признай свою вину, скажи, что тебе очень жаль и ты никогда-никогда больше так не будешь».

Вспомнив об этом, Томми понял, что именно такой линии ему и следует придерживаться сейчас – как, впрочем, и всегда – с тетушкой Адой.

– Мне очень жаль, тетя. Знаете, с годами становишься забывчивым… Не у всех ведь, – продолжал он без тени смущения, – такая прекрасная память, как у вас.

Тетушка Ада самодовольно ухмыльнулась. Именно так.

– Тут ты, пожалуй, прав. Извини, если приняла немного грубовато – не люблю, когда навязываются. В этом заведении всякое бывает. Впустить могут кого угодно. Любого постороннего. Если каждого принимать, если верить каждому на слово, то ведь и обокрасть могут, и даже убить в постели.

– Не думаю, что такое возможно.

– Кто его знает. В газетах такое порой пишут… А послушать людей – чего только не рассказывают. Нет, я, конечно, не всему, что слышу, верю, но держусь настороже. Ты не поверишь, на днях привели какого-то чужака – раньше я никогда его не видела. Называл себя доктором Уильямсом. Нам сказали, что доктор Мюррей в отпуске, а это его новый партнер. Каково! И откуда же мне знать, что он – новый партнер? Поверить на слово?

– И что, он действительно оказался новым партнером?

– Вообще-то, да, – ответила тетушка Ада, слегка раздраженная отступлением с изначальной позиции. – Но наверняка-то ведь никто знать не мог. Прикатил на автомобиле, с таким черным ящичком – врачи их носят для измерения давления… Похож на магический ящик, о котором когда-то так много говорили. Кто это был? Джоанна Сауткот?[3]

– Нет, по-моему, там речь шла немного о другом. О некоем пророчестве.

– Понятно. Я, собственно, к тому веду, что любой может заявиться сюда, назвать себя доктором, и тут же все сиделки начинают хихикать да улыбаться и чуть ли не по струнке вытягиваться – да, доктор, конечно, доктор… Глупышки! А если кто-то из пациенток говорит, что знать его не знает и в глаза не видывал, то ее начинают убеждать, что она просто забыла; мол, у нее с памятью плохо. Лично я лица не забываю, – твердо добавила тетушка Ада. – Кстати, как твоя тетя Кэролайн? Давненько от нее ничего не было. Ты ее видел?

Томми несколько смущенно объяснил, что тетя Кэролайн уже пятнадцать лет как умерла. Тетушка Ада приняла это известие, не выказав ни малейших признаков печали. В конце концов, почившая доводилась ей не родной сестрой, а всего лишь двоюродной.

– Что-то все умирают, – не без удовольствия констатировала она. – Никакой выносливости. Вот в чем все дело. Слабое сердце, коронарный тромбоз, высокое давление, хронический бронхит, ревматоидный артрит, ну и все прочее… Немощный народ. Вот так врачи и зарабатывают. Пичкают таблетками да порошками. Желтые таблетки, розовые таблетки, зеленые таблетки, даже черные. Чего уж тут удивляться. Фу! Во времена моей бабушки только серой да патокой и пользовались. И хуже никому не становилось. Когда у тебя выбор – выздороветь или выпить серу и патоку, – ты каждый раз выбираешь первый вариант. – Она самодовольно кивнула. – Врачам доверять нельзя, ведь так? Особенно в профессиональных вопросах – насчет какого-нибудь нового лекарства. Говорят, здесь многих травят. Мол, докторам нужны сердца для пересадки. Сама-то я этому не верю. Мисс Паккард такого не потерпела бы.

* * *

Внизу мисс Паккард указала на комнату, дверь которой выходила в коридор.

– Извините за все это, миссис Бересфорд, – произнесла она слегка извиняющимся тоном, – но вы ведь знаете, каково оно, с пожилыми людьми. То им что-то нравится, то что-то не нравится – вобьют себе в голову, и хоть кол на этой голове потом теши.

– Непросто, должно быть, управлять таким заведением, – заметила Таппенс.

– Вообще-то, нет. Знаете, мне даже нравится. Я всех их люблю. Так бывает: вы проникаетесь симпатией к людям, о которых заботитесь. У каждой из них свои причуды, свои заморочки, но управляться с ними довольно просто, если знаешь как.

Таппенс подумала, что уж мисс Паккард наверняка из тех, кто знает.

– Эти старушки, они, право, как дети, – снисходительно заметила управляющая. – Только дети более логичны, поэтому с ними иногда труднее. Пожилые люди логики не при-

[3] Джоанна Сауткот (1750–1814) – известная пророчица и прорицательница родом из Великобритании. Оставила миру в наследство запечатанный ящик, в котором, по ее утверждению, хранится ряд пророчеств. По завещанию, ящик должен быть открыт при условии присутствия одновременно двадцати четырех англиканских епископов.

держиваются – им нужно говорить то, чему они хотят верить. И тогда они снова счастливы, пусть и ненадолго. У меня здесь очень хороший штат. Женщины терпеливые, добродушные и не слишком умные, потому что умные обычно нетерпеливы… Да, мисс Донован, в чем дело? – Она повернулась к молодой женщине в пенсне, торопливо спустившейся по лестнице.

– Это снова миссис Локкет. Говорит, что умирает и хочет немедленно вызвать доктора.

– Вот как, – невозмутимо отозвалась управляющая. – И отчего же она умирает на сей раз?

– Говорит, что во вчерашнем рагу были грибы, наверное, с плесенью, и она отравилась.

– Что-то новенькое, – сказала мисс Паккард. – Я, пожалуй, поднимусь и поговорю с нею. Извините, миссис Бересфорд, но мне придется вас покинуть. В той комнате у нас газеты и журналы.

– Обо мне не беспокойтесь, – заверила ее Таппенс.

Комната, на которую ей указали, выходила окнами в сад. Несколько больших, удобных кресел, на столах – вазы с цветами. На стене книжная полка – современные романы, книги о путешествиях и то, что можно было бы назвать неумирающей классикой, встрече с которой могли бы порадоваться многие здешние обитательницы. На столике – журналы.

Сейчас в комнате не было никого, кроме пожилой леди с седыми, зачесанными назад волосами и приятным бело-розовым лицом. Она сидела в кресле со стаканом молока в руке и смотрела на него. Когда Таппенс вошла, женщина дружелюбно улыбнулась ей.

– Доброе утро. Переезжаете сюда или навещаете кого-то?

– Навещаю, – ответила Таппенс. – У меня здесь тетя. Сейчас с нею мой муж. Мы подумали, что два гостя сразу – это слишком много.

– Очень предусмотрительно с вашей стороны, – согласилась старушка и сделала пробный глоток молока. – Интересно… нет, думаю, все в порядке. Не хотите ли чего-нибудь? Чаю или, может быть, кофе? Я сейчас позвоню. Они здесь очень услужливы.

– Нет, спасибо.

– Или стакан молока? Оно сегодня не отравлено.

– Нет, нет, не надо. Мы здесь ненадолго.

– Ну, если не хотите… хотя это никого не затруднит. Здесь нам никто ни в чем не отказывает. Если, конечно, вы не просите чего-то совершенно невозможного.

– Смею заметить, тетушка, которую мы сегодня навещаем, иногда просит совершенно невозможного, – сказала Таппенс и тут же добавила: – Это мисс Фэншоу.

– О, мисс Фэншоу… Да-да.

Похоже, ее что-то сдерживало.

– Довольно сумасбродная особа. Всегда такой была.

– О да, тут вы правы. У меня самой, знаете ли, была точно такая же тетушка. И с годами это проявилось особенно заметно. Но к мисс Фэншоу мы все здесь относимся тепло. Она бывает очень забавной, когда захочет. Особенно если говорит о людях.

– Да, в этом ей не откажешь, – согласилась Таппенс и ненадолго задумалась, представляя тетушку Аду в новом свете.

– Очень язвительная, – добавила пожилая леди. – Кстати, моя фамилия Ланкастер. Миссис Ланкастер.

– А моя – Бересфорд.

– Знаете, люди любят немного позлословить. Иногда она так интересно описывает гостей, такое о них говорит, что поневоле улыбнешься, хотя, конечно, это и дурно.

– Вы давно здесь живете?

– Довольно давно. Дайте подумать… лет семь или даже восемь. Да, да, уже больше восьми. – Миссис Ланкастер вздохнула. – Здесь, знаете ли, теряешь связь с реальностью. И с людьми тоже. Все мои оставшиеся родственники живут за границей.

– Это, должно быть, весьма печально.

– Вообще-то, нет. Мне уже нет до них дела. Да я и не знала их достаточно хорошо. У меня была тяжелая болезнь – очень тяжелая, – и я осталась одна в целом мире, вот они и решили, что мне лучше всего жить в таком вот месте. Считаю, мне очень повезло попасть именно сюда. Здесь все так внимательны и добры… И сад красивый. Я ведь понимаю, что одна, самостоятельно, жить не смогла бы, потому что иногда теряюсь. – Она постучала себя по лбу. – У меня здесь все путается. Перемешивается. Не все помню ясно.

– Мне очень жаль, – посочувствовала Таппенс. – Наверное, с каждым что-то такое бывает?

– Некоторые заболевания очень болезненны. У нас здесь две бедняжки с ревматоидным артритом в острой форме. Ужасно страдают. Вот я и думаю, что, может быть, не так уж это и плохо, если у тебя не все ладно с памятью, если ты немного путаешься в людях, событиях и времени… По крайней мере ты не испытываешь физической боли.

– Наверное, вы правы, – согласилась Таппенс.

Дверь открылась, и в комнату вошла девушка в белом халате с небольшим подносом, на котором стояли кофейник и тарелочка с двумя печеньицами. Поднос она поставила рядом с Таппенс.

– Мисс Паккард подумала, что вы, может быть, пожелаете выпить кофе.

– Спасибо, – поблагодарила Таппенс.

Девушка вышла.

– Вот видите, – сказала миссис Ланкастер. – Они здесь очень внимательны, не правда ли?

– Да, очень.

Таппенс налила себе кофе. Некоторое время женщины сидели молча. Миссис Бересфорд предложила старушке печенье, но та покачала головой.

– Спасибо, дорогая, но я не буду. Мне нравится молоко, без всего.

Она поставила на столик пустой стакан и, прикрыв глаза, откинулась на спинку кресла. Таппенс подумала, что, может быть, миссис Ланкастер всегда отдыхает в этот утренний час, а потому нарушать тишину не стала. Однако старая леди вдруг встрепенулась, словно очнувшись от забытья, открыла глаза и посмотрела на Таппенс.

– Вижу, вы смотрите на камин.

– О… я? – растерялась Таппенс.

– Да. Вот я и подумала… – Миссис Ланкастер слегка подалась вперед и, понизив голос, спросила: – Извините, так ребеночек был ваш?

Застигнутая вопросом врасплох, Таппенс не сразу нашлась, что ответить.

– Я… нет… не думаю…

– А мне уж показалось… Подумала, что вы поэтому и приехали. Рано или поздно кто-то должен приехать. Может быть, и приедет. И вы так смотрели на камин… Знаете, он ведь там. За камином.

– О… неужели?

– Всегда в одно и то же время, – негромко продолжала миссис Ланкастер. – Всегда в одно и то же время дня. Десять минут двенадцатого. – Она взглянула на часы на каминной полке. Таппенс тоже посмотрела туда. – Десять минут двенадцатого. Да, каждое утро, в одно и то же время. – Старушка вздохнула. – Люди не поняли. Я рассказала, что знала, но они не захотели мне поверить.

В этот самый момент дверь открылась, и в комнату вошел Томми. Таппенс с облегчением выдохнула и торопливо поднялась.

– А вот и я. Уже готова. – Шагнув к двери, она обернулась: – До свидания, миссис Ланкастер.

Они вышли в коридор.

– И как вы там? – поинтересовалась Таппенс.

– После того, как *ты* ушла, мы чудесно поладили.

– Наверное, я оказываю на нее дурное влияние. В некотором смысле это даже бодрит.

– Почему бодрит?

– Видишь ли, в моем возрасте и при моей внешности – аккуратная, респектабельная и немножко скучная – приятно думать, что тебя еще могут принять за развратную женщину, обладающую неотразимыми сексуальными чарами.

– Глупая. – Томми нежно ущипнул супругу за руку. – А ты уже успела с кем-то познакомиться? Такая приятная леди…

– Она и впрямь очень приятная. Милая старушка. Но, к сожалению, малость чокнутая.

– Чокнутая?

– Да. Вообразила, будто за камином спрятан мертвый ребенок или что-то в этом роде. Спросила, не мой ли это, бедняжка.

– Жутковато, – сказал Томми. – Здесь наверняка есть такие, у кого не всё в порядке с головой, но большинство вполне нормальные и попали сюда исключительно по причине возраста. А та старушка все равно приятная.

– Полностью с тобой согласна. Приятная и милая. Интересно, что у нее за фантазии и откуда они взялись.

Словно ниоткуда появилась мисс Паккард.

– До свидания, миссис Бересфорд. Надеюсь, вам принесли кофе?

– Да, принесли, спасибо.

– А вам спасибо за то, что приехали. – Мисс Паккард повернулась к Томми: – И я знаю, что мисс Фэншоу была очень рада. Жаль только, что она нагрубила вашей супруге.

– Думаю, именно это доставило ей огромное удовольствие, – сказала Таппенс.

– Да-да, вы правы. Ей нравится грубить людям, и, к сожалению, у нее это хорошо получается.

– Вот она и пользуется каждым удобным случаем, чтобы попрактиковаться в этом искусстве.

– Хорошо, что вы оба это понимаете, – сказала мисс Паккард.

– Та пожилая леди, с которой я разговаривала… По-моему, она представилась как миссис Ланкастер…

– Так и есть, миссис Ланкастер. Мы все очень тепло к ней относимся.

– Она… она ведь немного странная?

– Да, воображение у нее богатое, – снисходительно ответила мисс Паккард. – У нас есть несколько таких, которые выдумывают всякое. Люди вполне безобидные, но верящие, что с ними случилось то-то и то-то. С ними или с кем-то другим. Мы стараемся не замечать, не поощрять их. Просто оставляем без внимания. Я считаю, это всего лишь игра воображения. Им нравится жить в некоем придуманном мире, где случается что-то волнительное, грустное или трагическое – не важно. Слава богу, до мании преследования дело не доходит. Это было бы чересчур.

* * *

– Ну, вот и всё, – с облегчением вздохнул Томми, садясь в машину. – По крайней мере, на ближайшие шесть месяцев от визитов освободились.

Но ехать в дом престарелых через полгода им не пришлось – по прошествии всего лишь трех недель тетушка Ада тихо умерла во сне.

Глава 3
Похороны

– Печальное это событие, похороны, – вздохнула Таппенс.

Они только что возвратились домой с похорон тетушки Ады, завершением которых стало долгое и утомительное путешествие на поезде, поскольку сама церемония прощания с усопшей происходила на сельском кладбище в Линкольншире, где нашли последний приют большинство родных и предков тетушки Ады.

– А чем они, по-твоему, должны быть? – резонно спросил Томми. – Вакханалией веселья?

– Кое-где так и бывает. Я к тому, что у ирландцев поминки едва ли не в праздник превращаются, ведь так? Сначала они там плачут и вопят, а потом напиваются и уже веселятся напропалую. Выпьем? – добавила она, поворачиваясь к буфету.

Томми прогулялся в указанном направлении и принес то, что, на его взгляд, соответствовало случаю, – по бокалу «Белой леди».

– Ну вот, так-то лучше, – одобрительно сказала Таппенс и, сбросив длинное черное пальто, сняла и швырнула через комнату черную шляпку. – Терпеть не могу траурные наряды. От них вечно воняет нафталиновыми шариками, потому что их всегда убирают куда подальше.

– Тебе вовсе не обязательно носить траур. Его только на похороны и надевают.

– Знаю, знаю. Вот поднимусь сейчас наверх и надену что-нибудь алое – просто так, для настроения. Можешь сделать мне еще «Белой леди».

– Вот уж не думал, что похороны приведут тебя в такое праздничное настроение.

– Я назвала похороны печальными, – сказала Таппенс, возвращаясь через пару минут в искрящемся вишнево-красном платье, на плече которого красовалась брошь-ящерица с рубином и бриллиантом, – потому что печальны именно такие похороны, как тетушки Ады. В том смысле, что собрались только старики, и цветов было немного. Почти никто не рыдал, не шмыгал носом… Печально, когда хоронят старых и одиноких, о ком никто особенно и не скорбит.

– Надо думать, ты перенесла эти похороны легче, чем перенесла бы, скажем, мои.

– Вот тут ты абсолютно не прав, – возразила Таппенс. – Вообще-то, мне не очень хочется думать о твоих похоронах, потому что я предпочла бы умереть раньше. Но уж если так случится и мне придется хоронить тебя, то в любом случае это будет оргия скорби. Нужно обязательно запастись носовыми платками.

– С черной каймой?

– О черной кайме я как-то не думала, но мысль интересная. К тому же сама погребальная служба – такая милая церемония… Настраивает на возвышенный лад. Неподдельная скорбь. Чувствуешь себя ужасно, но что-то с тобой происходит. Какое-то очищение, как от болезни через пот.

– Нет, правда, Таппенс, твои рассуждения о моей кончине и ее положительном на тебя влиянии отдают дурновкусием. Мне это не нравится. Давай-ка забудем про похороны.

– Согласна. Давай забудем.

– Старушка умерла, отошла в мир иной тихо и без страданий. Так тому и быть. А я, пожалуй, разберусь с делами.

Томми отошел к письменному столу и принялся перебирать бумаги.

– Кстати, куда я положил письмо мистера Рокбери?

– Кто такой мистер Рокбери? А, тот адвокат, что писал тебе…

– Да. Нужно привести в порядок ее дела. Похоже, от всей семьи остался я один.

– Жаль, что она не оставила тебе никакого состояния, – сказала Таппенс.

– Будь у нее состояние, она оставила бы все кошачьему приюту. Положенное им по завещанию съест почти все свободные средства, так что мне достанется совсем немного. В любом случае я в этих деньгах не нуждаюсь.

– Она так любила кошек?

– Не знаю. Наверное. При мне она ни о каких кошках не упоминала. Ей, вероятно, доставляло большое удовольствие говорить подругам, когда те приходили к ней, что-нибудь вроде «дорогуша, я оставила тебе кое-что по завещанию» или «я завещала тебе ту брошь, что так тебе нравится». В результате она ничего никому не оставила, кроме кошачьего приюта.

– Держу пари, ее это забавляло, – согласилась Таппенс. – Представляю, как она раздавала обещания своим старым подругам, точнее, так называемым старым подругам, потому что вряд ли нравилась кому-то по-настоящему. Она просто развлекалась, водя их за нос, внушая ложные надежды. Вот же старая чертовка… И все же, как ни странно, именно этим и симпатична. Не так-то легко получать от жизни удовольствие, когда ты в преклонном возрасте и весь твой мир – дом престарелых. Нам нужно ехать в «Солнечный гребень»?

– А где другое письмо? То, от мисс Паккард?.. А, вот оно. Положил вместе с письмом от Рокбери. Да, нужно. Мисс Паккард пишет, что там остались какие-то вещи, которые, насколько я понял, теперь перешли в мою собственность. Переезжая туда, тетушка взяла с собой кое-какую мебель. Ну и, конечно, предметы личного пользования. Одежда и все такое. Их, наверное, нужно перебрать. Еще письма… Поскольку я исполнитель завещания, то и заниматься всем предстоит мне. Полагаю, нам самим из этого ничего не нужно? Разве что письменный столик, мне он всегда нравился. Если не ошибаюсь, принадлежал дяде Уильяму.

– Ну, можешь и взять. Как сувенир. А все прочее просто отправим на распродажу.

– Значит, тебе ехать туда вовсе не обязательно, – заключил Томми.

– Думаю, я бы съездила, – сказала Таппенс.

– Зачем? Это же так скучно.

– Перебирать чужие вещи? Скучно? Вот уж нет. Любопытством я не обделена. Меня всегда интересовали старые письма и старинные драгоценности. Думаю, мне стоит взглянуть на них самой, а не отправлять сразу на распродажу или отдавать в руки чужих людей. Нет, мы поедем вместе, переберем вещи и решим, что оставить себе, а чем распорядиться иначе.

– И все же почему ты хочешь поехать? У тебя ведь есть какая-то другая причина, так?

– Господи, – вздохнула Таппенс, – как же трудно быть замужем за человеком, который слишком хорошо тебя знает.

– Значит, другая причина все-таки есть?

– Ничего особенного…

– Перестань, Таппенс. Тебе ведь не так уж хочется рыться в чьих-то вещах.

– Думаю, это мой долг, – твердо заявила Таппенс. – Нет, единственная другая причина…

– Ну же, выкладывай.

– Мне бы хотелось повидать… повидать ту старушку.

– Которую? Ту, которая думает, что за камином спрятан мертвый ребенок?

– Да. Мне бы хотелось встретиться с нею еще раз. Узнать, что она имела в виду, когда говорила все это. Действительно ли она что-то вспомнила или просто вообразила? Чем больше я размышляю об этом, тем необычнее все выглядит. Сочинила ли она для себя некую историю, или когда-то там действительно случилось что-то, связанное с камином или мертвым ребенком? И почему она решила, что тот мертвый ребенок мог быть *моим* мертвым ребенком? Я похожа на женщину, у которой умер ребенок?

– Понятия не имею, как должна выглядеть женщина, у которой умер ребенок. Я об этом не думал. Так или иначе, Таппенс, наш долг – поехать, а уж там можешь развлекаться со своими мертвецами. Итак, решено. Напишем мисс Паккард и определимся с днем.

Глава 4
Картина с домом

Таппенс глубоко вздохнула.

– Все то же самое, – сказала она.

Они с Томми стояли у главного входа в «Солнечный гребень».

– А с чего бы быть иначе? – спросил Томми.

– Не знаю. Просто у меня какое-то чувство – насчет времени. В разных местах время идет с разной скоростью. В некоторые места возвращаешься и чувствуешь, что время там мчалось со страшной скоростью, что много всякого случилось и многое изменилось. А здесь… Томми… помнишь Остенде[4]?

– Остенде? Мы ездили туда во время нашего медового месяца. Конечно, помню.

– А помнишь вывеску? ТРАМСТИЛСТАНД… Мы так смеялись. Нам она показалась такой нелепой.

– По-моему, это было не в Остенде, а в Ноке.

– Неважно – главное, что ты помнишь. Так вот здесь что-то похожее. Только там остановился трамвай, а здесь время. Остановилось, застыло. Здесь вечно повторяется одно и то же. Как с привидениями, только наоборот.

– Что-то я плохо тебя понимаю. Так и будем стоять весь день, болтать о времени и даже в дверь не позвоним? И потом, тетушки Ады здесь больше нет. Вот что изменилось. – Томми нажал на кнопку звонка.

– Это и будет единственное изменение. Моя старушка будет так же пить молоко и говорить о каминах, кто-то проглотит наперсток или чайную ложку, кто-то выползет из комнаты и потребует какао, а мисс Паккард спустится по лестнице и…

Дверь открылась.

– Миссис и мистер Бересфорд? – спросила молодая женщина в нейлоновом халате. – Мисс Паккард ждет вас.

Она уже вела их в ту же, что и в прошлый раз, гостиную, когда мисс Паккард спустилась по лестнице и поздоровалась с гостями. В манерах и поведении ее не было обычной живости и деловитости; теперь она держалась с подобающей случаю скорбной – но в меру, дабы не поставить никого в неловкое положение – серьезностью. В изъявлении соболезнования мисс Паккард была настоящим профессионалом, умеющим отмерять приемлемую для каждой ситуации дозу.

Семьдесят лет – такой жизненный срок определяет человеку Библия, и обитатели заведения мисс Паккард редко уходили в мир иной раньше означенного времени. Все происходило в установленном порядке.

– Так любезно с вашей стороны. Все приготовлено и сложено – можете посмотреть. Я рада, что вы приехали так скоро, поскольку у нас есть очередь из трех-четырех человек, и освободившееся место долго не пустует. Не сомневаюсь, что вы поймете меня правильно и не подумаете, что я каким-то образом вас тороплю.

– Нет, конечно, мы все прекрасно понимаем, – сказал Томми.

Мисс Паккард открыла дверь комнаты, в которой они в последний раз виделись с тетушкой Адой. Комната выглядела как будто осиротевшей – кровать была укрыта чехлом, под которым проступали контуры сложенных аккуратно одеял и подушек.

---

[4] Остенде – город в Бельгии на берегу Северного моря, курорт с мировым именем.

Платяной шкаф стоял с открытыми дверцами, и хранившаяся в нем одежда лежала теперь, так же заботливо сложенная, на кровати.

– Как вы обычно всем этим распоряжаетесь? Я имею в виду, что люди делают с одеждой и вещами? – спросила Таппенс.

Мисс Паккард, как всегда, проявила свойственную ей компетентность и желание помочь.

– Я могу назвать вам две или три организации, с удовольствием принимающие такого рода вещи. У вашей тетушки была вполне приличная меховая накидка и хорошее пальто, но я не думаю, что вы пожелаете оставить их для личного пользования. Впрочем, возможно, у вас есть на примете какие-то благотворительные общества, куда вы хотели бы отправить все эти вещи…

Таппенс покачала головой.

– У нее были также драгоценности, – продолжала мисс Паккард. – Перед самым вашим приездом я убрала украшения для сохранности, и вы можете найти их в правом ящике туалетного столика.

– Большое спасибо за хлопоты, – поблагодарил управляющую Томми.

Тем временем Таппенс обратила внимание на висящую над каминной полкой небольшую, написанную маслом картину с бледно-розовым домиком. Домик стоял рядом с каналом, через который был перекинут маленький горбатый мостик. Под мостом, на берегу канала, стояла вытащенная на берег пустая лодчонка. Вдалеке виднелись два тополя. Приятная сценка, но Томми удивило, что Таппенс смотрит на нее с такой сосредоточенностью.

– Забавно, – пробормотала она.

Томми вопросительно взглянул на жену. На основании собственного долгого опыта он знал: многое из того, что считает забавным Таппенс, невозможно охарактеризовать, используя данное прилагательное в общепринятом значении.

– Ты о чем?

– Забавно. В прошлый раз я этой картины здесь не заметила. Но странно то, что я уже видела где-то этот домик. Или, может быть, похожий на него. Хорошо помню… Забавно, что я не могу вспомнить, где и когда.

– Наверное, ты заметила его, не заметив, что заметила, – сказал Томми, чувствуя, что выразил мысль довольно неуклюже, повторив одно слово едва ли не чаще, чем Таппенс свое «забавно».

– А ты, Томми, видел ее, когда мы приезжали сюда в прошлый раз?

– Нет, но я особенно и не присматривался.

– А, картина, – подала голос мисс Паккард. – Нет, не думаю, что вы могли видеть ее в прошлый раз, потому что – я в этом почти уверена – она и не висела здесь над полкой. Вообще-то, картина принадлежала одной из наших пациенток, которая и отдала ее вашей тете. Мисс Фэншоу несколько раз выражала восхищение этой вещью, и прежняя владелица сделала ей подарок, настояв, чтобы она оставила картину себе.

– Теперь понятно, – сказала Таппенс. – Конечно, я не могла видеть ее раньше. И все же чувствую, знаю, что знаю этот домик довольно хорошо. А ты, Томми?

– Нет, – покачал головой тот.

– Что ж, теперь я вас оставлю, – деловито сообщила мисс Паккард. – Но если понадоблюсь, я всегда в вашем распоряжении.

Она с улыбкой кивнула и вышла из комнаты, закрыв за собой дверь.

– Что-то мне не нравятся ее зубы, – сказала Таппенс.

– А что с ними не так?

– Слишком уж их много. А может, они слишком большие. *Чтобы съесть тебя, дитя мое*… Как у бабушки из сказки про Красную Шапочку.

– Какое-то странное у тебя сегодня настроение.

– Пожалуй. Мисс Паккард всегда казалась мне такой милой, но сегодня… сегодня в ней как будто проступило что-то зловещее. Ты разве никогда ничего подобного не чувствовал?

– Да нет, не чувствовал… Ладно, давай займемся тем, ради чего мы сюда и приехали, – пересмотрим, как выражаются юристы, «личное имущество» тетушки Ады. Вот тот письменный столик, о котором я тебе говорил, столик дяди Уильяма. Тебе нравится?

– Он такой милый. Думаю, эпохи Регентства. Хорошо, что старики, переезжая сюда, могут взять с собой какие-то свои вещи. Стулья с набивкой из конского волоса меня не интересуют, а вот рабочий столик очень даже по вкусу. Как раз то, что нам и нужно для уголка возле окна, где у нас та жутковатая этажерка.

– Хорошо. Две эти вещи я взял на заметку.

– И возьмем ту картину, что над каминной полкой. Она ужасно мне нравится, и я абсолютно уверена, что уже видела где-то тот домик. А теперь давай посмотрим на драгоценности.

Они открыли ящик туалетного столика и обнаружили комплект брошей, флорентийский браслет с сережками и кольцо с камнями разного цвета.

– Вот это я уже видела, – сказала Таппенс. – Обычно из камней складывается имя. Иногда «дорогая». Бриллиант, изумруд, аметист… нет, не «дорогая». Вообще-то, я и не думаю, что кому-то могло взбрести в голову подарить твоей тетушке Аде кольцо с зашифрованным камнями словом «дорогая». Рубин, изумруд… Трудность в том, что не знаешь, откуда начать. Попробую еще разок. Рубин, изумруд, еще один рубин… нет, похоже, это гранат, аметист, еще какой-то розоватый камень… должно быть, рубин… и маленький бриллиант в середине. Ну конечно, это же *«забота»*[5]. Довольно мило. Старомодно и сентиментально.

Таппенс надела колечко на палец.

– Думаю, оно могло бы понравиться Деборе. И флорентийский комплект тоже. Она просто без ума от викторианских вещиц. Ими сейчас многие увлекаются. А теперь давай пересмотрим одежду. В этом есть что-то макабрическое… О, это же та самая меховая накидка. На мой взгляд, вещь весьма дорогая. Себе бы я ее не оставила. Может быть, здесь есть кто-то, кто относился к тете Аде особенно хорошо, или близкая подруга среди других постояльцев… то есть гостей. Я обратила внимание, что их называют здесь гостями или пациентами. Если есть, было бы приятно предложить накидку именно ей. Это же настоящий соболь. Спросим совета у мисс Паккард. Остальное можно отдавать на благотворительность. Ну, что, со всем определились? Теперь пойдем, поищем мисс Паккард. Прощайте, тетушка Ада. – Таппенс повернулась к кровати. – Я рада, что мы тогда приехали, повидали вас в последний раз. Жаль, что я вам не понравилась, но если вам доставило удовольствие наговорить мне грубостей – пусть, я не в обиде. Наверное, вам нужно было чем-то себя развлечь. И мы будем вас помнить. Будем смотреть на столик дяди Уильяма и думать о вас.

Супруги отправились на поиски управляющей. Томми объяснил, что они выбрали для себя два столика, письменный и рабочий, которые будут отправлены на их домашний адрес, и что он отдаст распоряжения об отсылке остальной мебели на распродажу через местных аукционистов. Что касается одежды, то он предоставляет мисс Паккард полное право передать все любым благотворительным организациям по ее собственному выбору, если, конечно, она не будет против взять на себя такого рода хлопоты.

– Я не знаю, есть ли здесь кто-нибудь, кто согласился бы взять ее меховую накидку, – сказала Таппенс. – Вещь очень хорошая. Может быть, близкая подруга? Или кто-то из обслуживающего персонала, кто работал с тетей Адой?

---

[5] Забота – *англ.* regard. Слово сложено по первым буквам английских названий камней.

– Вы очень добры, миссис Бересфорд. Боюсь, среди наших гостей близких подруг у мисс Фэншоу не было, но мисс О'Киф, одна из наших сестер, действительно часто обслуживала ее и была с ней особенно добра и тактична. Думаю, она будет довольна и почтет за честь получить такой подарок.

– И еще картина над каминной полкой, – сказала Таппенс. – Я бы хотела взять и ее, но, может быть, бывшая владелица – та, что отдала картину тете Аде, – пожелает получить ее обратно? Не лучше ли нам спросить у нее и…

– Извините, миссис Бересфорд, – перебила ее управляющая, – но, боюсь, сделать это невозможно. Картина принадлежала миссис Ланкастер, которая и подарила ее мисс Фэншоу, но только самой миссис Ланкастер с нами больше нет.

– Ее нет больше с вами? – удивилась Таппенс. – Миссис Ланкастер? Той леди с седыми, зачесанными назад волосами, которую я здесь видела? Она сидела в комнате внизу и пила молоко. Так вы говорите, она уехала?

– Да. Все произошло довольно внезапно. Примерно неделю назад ее забрала родственница, некая миссис Джонсон. Она возвратилась – весьма неожиданно – из Африки, где прожила последние пять или шесть лет. Теперь миссис Джонсон в состоянии позаботиться о миссис Ланкастер в собственном доме, который они с мужем собираются купить в Англии. Не думаю, – продолжала мисс Паккард, – что миссис Ланкастер так уж хотела покидать нас. Она привыкла, освоилась здесь, установила со всеми хорошие отношения и была вполне довольна. Расстроилась, конечно, даже всплакнула, но что тут поделаешь? Ее мнения никто и не спрашивал, поскольку пребывание здесь оплачивали именно Джонсоны. Я тоже предлагала, учитывая, как долго миссис Ланкастер прожила у нас и как ей здесь хорошо, оставить ее в «Солнечном гребне»…

– И сколько же лет прожила здесь миссис Ланкастер? – спросила Таппенс.

– Если не ошибаюсь, около шести лет. Да, примерно так. Понятно, что она уже чувствовала себя тут как дома.

– Да. Я это понимаю. – Таппенс нахмурилась, нервно взглянула на Томми и решительно вскинула голову. – Мне жаль, что она уехала. И еще, когда я разговаривала с нею в прошлый раз, ее лицо показалось мне знакомым. Уже потом, дома, я вспомнила, что встречала ее с моей старой знакомой, миссис Бленкенсоп. Даже собиралась в следующий свой приезд к тете Аде спросить ее об этом. Но раз уж она вернулась к своим, значит, не получится.

– Хорошо вас понимаю, миссис Бересфорд. Если кому-то из наших гостей удается связаться со старыми друзьями или кем-то, кто знал их родственников, для них это большое событие. Не помню, чтобы миссис Ланкастер упоминала миссис Бленкенсоп, но в любом случае теперь вы уже вряд ли что-то узнаете.

– Не могли бы вы рассказать немножко о ней? Кто ее родственники? Как она попала сюда?

– Вообще-то, рассказывать почти нечего. Как я уже упоминала, это случилось лет шесть назад. Мы получили письмо от миссис Джонсон, в котором она справлялась о нашем заведении, а потом миссис Джонсон приехала сюда сама и все здесь осмотрела. Сказала, что узнала о «Солнечном гребне» от знакомой, осведомилась об условиях содержания и всем прочем и уехала. Неделю или две спустя мы получили письмо от адвокатской фирмы из Лондона, в котором они наводили дальнейшие справки, а потом еще одно письмо с просьбой принять миссис Ланкастер и уведомлением, что миссис Джонсон привезет ее через неделю при наличии свободного места. Вакансия у нас была, миссис Джонсон привезла миссис Ланкастер, которой понравилось и место, и комната, которую мы ей выделили. Миссис Джонсон сказала, что миссис Ланкастер хотела бы привезти некоторые свои вещи. Я не возражала, потому что люди обычно так и делают и чувствуют себя комфортнее в привычной обстановке. Все решилось к взаимному удовольствию. Миссис Джонсон объяснила, что миссис

Ланкастер – родственница ее мужа, не очень близкая, но они беспокоятся о ней, потому что уезжают в Африку – по-моему, в Нигерию, куда ее муж получил назначение и где они собирались пробыть несколько лет. Поскольку у Джонсонов не было своего дома, они хотели определить миссис Ланкастер в такое место, где она была бы по-настоящему счастлива. Послушав отзывы о «Солнечном гребне», они сделали выбор в нашу пользу. Миссис Ланкастер было здесь хорошо.

– Понятно.

– Ее все здесь любили, хотя она и была немного… ну, вы понимаете, не в себе. Что-то забывала, что-то путала, иногда не могла запомнить имена и адреса…

– Ей много писали? – спросила Таппенс. – Я имею в виду, она получала письма из-за границы?

– По-моему, миссис Джонсон – или мистер Джонсон – писала ей пару раз из Африки, но только в первый год. Сами знаете, как это бывает. Они никогда не были особенно близки с нею, а тут оказались в новой стране, начали другую жизнь. Миссис Ланкастер была для них дальней родственницей; семейный долг Джонсоны посчитали выполненным, а остальное значения не имело. Все финансовые вопросы решались через солиситора[6], мистера Экклза, представлявшего одну почтенную фирму. Нам уже и раньше доводилось иметь дела с этой фирмой, так что мы знали их, а они знали нас. Думаю, большинство друзей и родственников миссис Ланкастер уже умерли, писали ей мало, а навещать, по-моему, никто не приезжал. Мне запомнился только один приятный мужчина, навещавший ее, думаю, годом позже. Вряд ли он знал ее лично, но был другом мистера Джонсона и служил в заморских колониях. Скорее всего, хотел убедиться, что у нее все хорошо.

– И потом, – сказала Таппенс, – о ней все забыли.

– Боюсь, что так, – согласилась мисс Паккард. – Печально, да? Но ведь бывает скорее так, а не иначе. К счастью, большинство наших гостей обзаводятся друзьями уже здесь. Сходятся люди, у которых общие вкусы или воспоминания, и все устраивается как нельзя лучше. Большинство уже и не помнят свою прошлую жизнь.

– Но ведь некоторые, как мне представляется, немного… – Томми замялся, подыскивая подходящее слово, – немного… – Он поднес руку ко лбу и тут же ее опустил. – Я не имею в виду…

– О, я прекрасно понимаю, что вы имеете в виду, – сказала мисс Паккард. – Мы не принимаем психически больных, но не отказываем людям с так называемыми пограничными состояниями. Я имею в виду страдающих старческим слабоумием, тех, кто не в состоянии должным образом обслужить себя, у кого, скажем так, свои причуды. Иногда они мнят себя историческими личностями. Но это все совершенно безобидно. У нас здесь две Марии-Антуанетты, и одна из них постоянно говорит о Малом Трианоне и пьет молоко, которое, похоже, как-то ассоциируется у нее с этим местом. Была одна милая старушка, утверждавшая, что она – мадам Кюри и что это она открыла радий. С большим интересом читала газеты, особенно новости об атомных бомбах и научных открытиях. А потом всегда объясняла, что первые эксперименты по этой части проводили они с мужем. Безобидные иллюзии помогают людям и в преклонные годы чувствовать себя счастливыми. И потом, это ведь продолжается не все время. Марией-Антуанеттой или мадам Кюри они бывают не каждый день. Обычно это случается раз в две недели, а потом им просто надоедает играть. И, конечно, чаще всего люди страдают от забывчивости. Не всегда могут вспомнить, кто они такие. Или постоянно повторяют, что забыли нечто важное. И тому подобное.

---

[6] Соли́ситор – категория адвокатов в Великобритании, ведущих подготовку судебных материалов для ведения дел адвокатами высшего ранга – барристерами. Также работают юрисконсультами в различных организациях и имеют право вести судебные дела в судах низших инстанций.

– Понятно, – сказала Таппенс и, помедлив, добавила: – Миссис Ланкастер… Она всегда говорила о конкретном камине, том, что в гостиной, или о каминах вообще?

Мисс Паккард широко открыла глаза.

– Камин? Не понимаю, о чем вы?

– Она сказала кое-что, чего я не поняла. Может быть, камин ассоциировался у нее с чем-то неприятным, а может, она прочитала что-то, напугавшее ее…

– Может быть.

– А еще я беспокоюсь из-за картины, которую она подарила тетушке Аде.

– Вам не из-за чего беспокоиться, миссис Бересфорд. Думаю, она уже позабыла об этой картине, да и не ценила ее особенно. Ей было очень приятно, что мисс Фэншоу восхищалась картиной, и она с радостью ее подарила. Уверена, миссис Ланкастер ничего не имела бы против того, что теперь она у вас. Картина и впрямь прелестная, я и сама всегда так думала. Хотя и не очень-то в этом разбираюсь.

– Я скажу вам, как поступлю. Напишу миссис Джонсон – вы ведь дадите мне ее адрес? – и спрошу, могу ли оставить ее себе.

– Адрес у меня только один – отеля в Лондоне, куда они отправлялись. По-моему, он назывался «Кливленд»… Да, отель «Кливленд», Джордж-стрит, тридцать один. Они собирались остановиться там на четыре-пять дней, а потом уехать к родственникам в Шотландию. Думаю, в отеле вам дадут другой адрес.

– Да, спасибо. А теперь насчет этой меховой накидки…

– Я схожу за мисс О'Киф и приведу ее к вам.

Управляющая вышла из комнаты.

– Ты с этой своей миссис Бленкенсоп[7], – проворчал Томми.

– Одно из моих лучший творений, – с самодовольным видом сказала Таппенс. – Было приятно снова ею воспользоваться. Пыталась придумать какое-нибудь имя, и тут вдруг на память пришла миссис Бленкенсоп. Забавно, да?

– Дело прошлое. Война закончилась; шпионаж, контршпионаж – теперь это все не для нас.

– А жаль. Было забавно жить в том гостевом домике, придумывать себе новую личность… Я уже сама себя считала миссис Бленкенсоп.

– Тебе еще повезло, что осталась цела. И, на мой взгляд, как я однажды уже сказал, ты переиграла.

– Нет, не переиграла. Я прекрасно вжилась в образ. Приятная женщина, недалекая, всецело занятая своими тремя сыновьями.

– Вот и я о том же. Вполне хватило бы и одного сына, а ты обременила себя троицей…

– Я с ними сроднилась. Дуглас, Эндрю и… Боже, я позабыла, как звали третьего. Как выглядели – помню, характеры – помню, где были расквартированы – тоже. Как пересказывала, весьма неосторожно, содержание полученных от них писем…

– Ну, теперь это позади. Выискивать в этом месте нечего – так что о миссис Бленкенсоп можешь забыть. Когда я умру и упокоюсь навеки, а ты, оплакав меня должным образом, удалишься в дом престарелых, вот тогда и будешь воображать себя миссис Бленкенсоп.

– Играть одну роль весьма скучно, – сказала Таппенс.

– Как, по-твоему, почему старушки хотят быть Марией-Антуанеттой, мадам Кюри и остальными? – спросил Томми.

– Наверное, из-за скуки. Люди скучают. И ты бы наверняка заскучал, если б у тебя отказали ноги или перестали сгибаться пальцы и ты бы не мог вязать. Тебе отчаянно хочется

[7] Именно этим псевдонимом Таппенс пользовалась в романе А. Кристи «Икс или игрек?». Далее Бересфорды вспоминают события, описанные в том же романе.

развлечься, и ты пытаешься примерить на себя какую-то известную личность и посмотреть, каково оно – быть им или ею. Я это прекрасно понимаю.

– Нисколько не сомневаюсь. И да поможет Господь тому приюту, в который ты попадешь. Наверное, будешь там Клеопатрой.

– Я не хочу быть знаменитой личностью. Лучше какой-нибудь судомойкой в замке Анны Клевской[8], распространяющей всякие пикантные слухи.

Дверь открылась, и на пороге возникла мисс Паккард в компании высокой веснушчатой молодой женщины в форме сиделки и с копной рыжих волос.

– Мисс О'Киф – мистер и миссис Бересфорд. Они хотят сказать вам что-то. Прошу извинить – меня ждут пациенты.

Таппенс представила меховую накидку тетушки Ады, чем привела сиделку в полнейший восторг.

– О! Она чудесная! Но для меня слишком красивая. Вам самой такая пойдет…

– Нет, не пойдет. Мне она великовата. Я слишком маленькая. Такая накидка хороша для девушки высокой, как вы. Тетя Ада ведь была высокая.

– О да! Такая представительная леди – наверное, была очень красивой девушкой…

– Возможно, – с некоторым сомнением согласился Томми. – Хотя ухаживать за нею было наверняка непросто.

– Тут вы правы. Но духом она не падала. Держалась стойко. И ясность мысли сохранила. Просто удивительно, как она всегда про все узнавала… Такая шустрая!

– Но и с норовом.

– И то правда. Но, знаете, с теми, кто постоянно ноет да жалуется, куда как труднее. Мисс Фэншоу скучать не давала. Бывало, начнет рассказывать – заслушаешься. Как еще девочкой проскакала верхом на лошади по лестнице в загородном доме… Интересно, оно и вправду так было?

– Такое, пожалуй, в ее духе, – сказал Томми.

– Тут порой и сама не знаешь, чему верить. Эти старушки чего только не рассказывают. Что, мол, преступника опознали, надо немедленно полицию уведомить, а иначе мы все в опасности…

– Когда мы были здесь в последний раз, помнится, кто-то говорил об отравлении, – сказала Таппенс.

– А, это миссис Локкет… С нею такое каждый день случается. Только она не полицию требует, а доктора – совсем на врачах помешалась.

– А еще одна старушка, такая сморщенная, требовала какао…

– Наверное, миссис Муди. Бедняжка покинула нас.

– Вы имеете в виду, что она уехала?

– Нет. Тромб оторвался. Совершенно неожиданно, ни с того ни с сего. Очень привязалась к вашей тетушке, хотя мисс Фэншоу вниманием ее не баловала. А уж какая была говорливая, трещала как сорока…

– Миссис Ланкастер, как я слышала, уехала.

– Да, ее родственники забрали. Жалко, она и уезжать-то не хотела.

– Миссис Ланкастер рассказывала что-то о камине в гостиной. Это что за история?

– Она много всяких историй рассказывала – про то, что с нею случалось, какие секреты ей ведомы…

– Там было что-то про ребенка… то ли похищенного, то ли убитого…

– Чудно́е дело, чего только они себе не придумают. А идеи им чаще всего телевизор подает…

---

[8] Анна Клевская (1515–1557) – четвертая супруга английского короля Генриха VIII.

– Тяжело, наверное, работать с пожилыми людьми, тем более когда их столько? Вы, должно быть, устаете.

– Да нет. Мне старушки нравятся. Я потому и пошла по линии гериатрии.

– И давно здесь работаете?

– Полтора года. – Сестра О’Киф помолчала, потом добавила: – Но в следующем месяце ухожу.

– Вот как? И почему же?

Впервые за время разговора в поведении и тоне молодой женщины проявилась некоторая сдержанность.

– Ну, знаете, миссис Бересфорд, иногда человеку нужны перемены…

– Но заниматься вы будете тем же?

– Да, конечно. – Она взяла меховую накидку. – Еще раз большое вам спасибо. Мне будет приятно иметь что-то на память о мисс Фэншоу. Настоящая старая леди. Таких в наше время не много найдется.

Глава 5
Исчезновение старой леди

I

Вещи тетушки Ады прибыли в положенный срок. Письменный столик установили на отведенное для него место – к всеобщему восхищению. Рабочий столик вытеснил этажерку, которая перекочевала в темный уголок в прихожей. И, наконец, картина с бледно-розовым домиком и переброшенным через канал мостиком украсила стену над каминной полкой в спальне, где Таппенс могла видеть ее каждое утро, когда пила чай.

Поскольку совесть все еще тревожила ее немножко, Таппенс написала письмо, в котором объяснила, каким образом картина оказалась у нее, и добавила, что если миссис Ланкастер пожелает ее вернуть, ей нужно лишь только известить их об этом. Письмо она отправила миссис Ланкастер для передачи миссис Джонсон, в отель «Кливленд», Джордж-стрит, 31.

Ответа не последовало, а само письмо вернулось через неделю с припиской – «по указанному адресу не проживает».

– Вот же досада, – сказала Таппенс.

– Может, они останавливались там только на пару суток, – предположил Томми.

– Могли бы оставить адрес для пересылки корреспонденции.

– А ты написала «прошу переслать»?

– Да, написала… Вот что я сделаю. Позвоню и спрошу. Они ведь должны были оставить адрес в регистрационном журнале отеля.

– Я бы на твоем месте оставил все как есть, – сказал Томми. – Зачем суетиться? Старушка наверняка уже и думать забыла о картине.

– Я все-таки попробую.

Таппенс села за телефон, и ее тут же соединили с отелем «Кливленд». Через несколько минут она вошла в кабинет Томми.

– Странно – их там не было. Ни миссис Джонсон, ни миссис Ланкастер. И номер никто не резервировал. Вообще никаких следов того, что они там останавливались.

– Думаю, мисс Паккард ошиблась с названием отеля. Записала в спешке, а потом потеряла или запомнила неправильно… Такое, знаешь ли, случается нередко.

– Про «Солнечный гребень» такого не подумаешь. Мисс Паккард – женщина деловая.

– Возможно, они не заказали комнаты заранее, свободных номеров не осталось, и им пришлось обращаться в другое место. Ты же знаешь, как трудно устроиться в Лондоне. Не понимаю, зачем тебе все это нужно.

Таппенс ретировалась. Но скоро вернулась.

– Вот что я сделаю. Позвоню мисс Паккард и попрошу у нее адрес адвокатов, а потом…

– Каких адвокатов?

– Помнишь, она упоминала адвокатскую фирму, которая вела все дела миссис Ланкастер, потому что Джонсоны были за границей?

– *…в случае возникновения непредвиденной ситуации политическая линия*… – пробормотал себе под нос Томми, все силы которого уходили на подготовку речи к приближающейся конференции. – Как лучше: политическая линия или просто политика?

– Ты слышал, что я сказала?

– Да, замечательная мысль… великолепная… так и сделай…

Таппенс вышла, но тут же приоткрыла дверь и просунула голову.

– Пиши *политика*. А что ты такое сочиняешь?

– Речь, с которой я выступлю на конференции МССБ. И мне бы хотелось спокойно поработать.

– Извини.

Таппенс удалилась. Томми продолжал трудиться – писать и зачеркивать. По мере ускорения письма лицо его прояснялось, но в какой-то момент дверь снова открылась.

– Ну вот, – сказала Таппенс. – «Партингдейл, Харрис, Локридж и Партингдейл», Линкольн-террас, тридцать два, дабл-ю-си-два. Телефон: Холборн ноль пятьдесят один триста восемьдесят шесть. Операционист фирмы – мистер Экклз. – Она положила листок у локтя Томми. – Дальше – *ты*.

– Нет! – твердо сказал Томми.

– Да! Тетушка Ада – твоя тетушка.

– При чем тут тетушка Ада? Миссис Ланкастер никакая мне не тетушка.

– Адвокаты, – стояла на своем Таппенс. – Заниматься с адвокатами – мужская работа. Женщин они считают дурочками и внимания на них не обращают.

– Очень здравая точка зрения.

– Ну же, Томми, – помоги. Подойди к телефону и позвони, а я помогу тебе с речью.

Томми наградил жену свирепым взглядом, но из-за стола поднялся.

Вернувшись через некоторое время, он решительно объявил:

– Все, Таппенс. Дело закрыто.

– Ты дозвонился до мистера Экклза?

– Строго говоря, я дозвонился до мистера Уиллза, который и ишачит на эту «Партингфорд, Локджо и Харрисон». Информацией он владеет полностью. Все письма и сообщения проходили через хаммерсмитское отделение «Саутерн каунтиз бэнк». И вот там-то, Таппенс, след и теряется. Банки пересылают сообщения, но никаких адресов они никому не предоставляют – ни тебе, ни кому-то еще, кто бы ни спрашивал. У них свой кодекс правил, и они строго их придерживаются. Уста их запечатаны, как и у наших премьер-министров.

– Ладно, отправлю письмо в банк с просьбой переслать адресату.

– Отправь – и, ради всего святого, *оставь меня в покое* – иначе я никогда не закончу эту речь.

– Спасибо, дорогой. Не знаю, что бы я без тебя делала. – С этими словами Таппенс чмокнула мужа в макушку.

– Подлиза, – сказал Томми.

II

К закрытому делу вернулись только вечером следующего четверга, когда Томми вдруг спросил:

– Кстати, ты получила ответ на свое письмо миссис Джонсон, которое посылала через банк?

– Какое внимание, так мило с твоей стороны, – съязвила Таппенс. – Нет, не получила. – И задумчиво добавила: – Похоже, и не получу.

– Почему?

– Тебе ведь неинтересно, – холодно ответила Таппенс.

– Послушай, я знаю, что был занят. Это все МССБ. Слава богу, конференция бывает только раз в год.

– Она ведь начинается в понедельник, да? И продлится пять дней.

– Четыре.

– И вы все укатите в какой-нибудь секретный особняк за городом, будете произносить речи, читать документы и готовить молодежь к суперсекретным операциям в Европе и еще дальше… Забыла, что означает МССБ. Все эти нынешние аббревиатуры…

– Международный союз совместной безопасности.

– Ну и названьице! Что за нелепость… Надо полагать, там все напичкано «жучками», и самые секретные разговоры тут же становятся всеобщим достоянием.

– Весьма вероятно, – ухмыльнулся Томми.

– А ты, надо полагать, доволен?

– Да, в некотором смысле. Можно встретить старых друзей.

– Старые перечницы, надо полагать… От этих мероприятий хоть какая-то польза бывает?

– Господи, что за вопрос! Ну кто тебе может ответить на него простым «да» или «нет»…

– А толковые люди там бывают?

– Я бы ответил «да». Есть очень толковые.

– Старина Джош тоже будет?

– Будет.

– Как он сейчас?

– Глухой на оба уха, наполовину слеп, скрючен ревматизмом, но при этом – ты не поверишь! – абсолютно в курсе всего.

– Понятно. – Таппенс помолчала. – Я бы тоже съездила.

Томми виновато посмотрел на нее.

– Думаю, пока меня не будет, ты найдешь чем заняться.

– Может быть, – задумчиво сказала Таппенс.

Мистер Бересфорд посмотрел на нее со смутной тревогой, внушать которую Таппенс умела всегда.

– Что ты задумала?

– Ничего… пока. Пока я только думаю.

– О чем?

– О «Солнечном гребне». И милой старушке, которая любит молоко и жутковатые истории о каминах и мертвых детях. Она меня заинтриговала. Я тогда еще подумала, что когда мы приедем к тетушке Аде в следующий раз, постараюсь узнать побольше. Но следующего раза не получилось, потому что тетушка Ада умерла. А когда мы приехали в «Солнечный гребень», оказалось, что миссис Ланкастер исчезла!

– Ты имеешь в виду, что ее забрали родственники? Но это не исчезновение… это нормально.

– Это исчезновение – адреса не оставили, на письма никто не отвечает… Спланированное исчезновение. И моя убежденность в этом только крепнет.

– Но…

Таппенс не дала ему продолжить:

– Послушай, Томми, предположим, когда-то произошло преступление. Все прошло удачно, никаких следов. Но кто-то в семье что-то видел или знал. Кто-то старый и словоохотливый. Кто-то общительный. Кто-то, кто, как ты вдруг понимаешь, может быть опасен для тебя. И что ты будешь делать?

– Мышьяку в супчик? – бодро предложил Томми. – Дубинкой по голове? Столкнуть с лестницы?

– Слишком экстремально. Внезапная смерть привлекает внимание. Ты ищешь способ попроще. И находишь. Симпатичный, с хорошей репутацией дом для престарелых дам. Ты едешь туда, называя себя миссис Джонсон или миссис Робинсон, или даешь соответствую-

щее поручение ничего не подозревающей третьей стороне. Договариваешься по финансовым вопросам с надежной адвокатской конторой. Заранее намекаешь, что у твоей пожилой родственницы не всё в порядке с головой, что иногда она выдает за правду свои бредовые фантазии. Со старушками ведь часто такое бывает. Так что никому не покажется странным, если она заводит речь об отравленном молоке, мертвом ребенке за камином или зловещем похищении. Ее и слушать не станут – ну вот, мол, у миссис Такой-то снова воображение разыгралось. Никто и внимания не обратит.

– Кроме, разумеется, миссис Бересфорд, – вставил Томми.

– Ну да. Я-то обратила.

– Но почему?

– Даже сама не знаю, – задумчиво сказала Таппенс. – Это как в сказке. *Щелкни пальцем только раз – явится злодей тотчас…* Мне вдруг стало страшно. Я всегда думала, что «Солнечный гребень» – это такое нормальное счастливое место, а тут вдруг засомневалась. Да, именно так. Захотелось узнать больше. И вот теперь миссис Ланкастер исчезла. Ее кто-то похитил.

– Но с какой стати?

– У меня есть только одно объяснение – она что-то вспомнила. Может быть, стала больше рассказывать. Узнала кого-то – или кто-то узнал ее и рассказал нечто такое, после чего случившееся когда-то предстало перед нею в новом свете. Так или иначе, по той причине или иной, она стала опасной для кого-то.

– Послушай, Таппенс, вся твоя история – это что-то и кто-то. Идея, которую ты развила. Ты ведь не хочешь впутаться во что-то, что никаким боком тебя не касается?

– Тебя послушать, так и вмешиваться не во что. А значит, и беспокоиться не о чем.

– Ты оставишь «Солнечный гребень» в покое.

– Я не намерена возвращаться в «Солнечный гребень». Думаю, они сказали мне все, что знают сами. Думаю, старушка была в безопасности, пока оставалась там. Я хочу выяснить, где она сейчас. Хочу найти ее, где бы она ни была, вовремя, прежде чем с ней что-то случится.

– Да что с ней, по-твоему, может случиться?

– Не хочу даже думать. Но я вышла на след и собираюсь стать Пруденс Бересфорд, частным сыщиком. Помнишь, как мы были «Блестящими сыщиками Бланта»?

– *Я* был, – поправил Томми. – *Ты* была мисс Робинсон, моей личной секретаршей.

– Не все время. В любом случае теперь, пока ты играешь в международный шпионаж в своем секретном поместье, детективом буду я. Операция «Спасти миссис Ланкастер» – вот чем я намерена заняться.

– Скорее всего, ты найдешь ее в добром здравии.

– Надеюсь. И буду очень рада.

– С чего предполагаешь начать?

– Как я уже сказала, для начала надо подумать. Может, дать какое-то объявление?.. Нет, это было бы ошибкой.

– Ну, будь осторожна, – сказал Томми, и это прозвучало совершенно неуместно.

Таппенс до ответа не снизошла.

III

В понедельник утром Альберт, главная опора домашнего уклада Бересфордов с тех самых пор, как его, тогда еще рыжеволосого мальчишку-лифтера, привлекли к борьбе с криминалитетом, водрузил поднос с утренним чаем на столик между двумя кроватями, раздви-

нул шторы, объявил, что день прекрасен, и удалился, неспешно неся свои изрядно раздобревшие формы.

Таппенс зевнула, села, протерла глаза, налила чашку чаю, положила в него ломтик лимона и заметила, что день, похоже, и впрямь хорош, а там кто его знает.

Томми повернулся и застонал.

– Просыпайся, – сказала Таппенс. – Не забудь, тебя сегодня ждут путешествия.

– Господи… Помню, помню.

Он тоже сел и налил себе чаю. Посмотрел оценивающе на картину над каминной полкой.

– Должен сказать, смотрится и впрямь очень мило.

– Вся штука в том, что солнце, заглядывая в окно, освещает ее сбоку.

– Такой тихий домик…

– Еще бы вспомнить, где я его видела.

– Не думаю, что это так уж важно. Когда-нибудь вспомнишь – раньше или позже.

– Это меня не устраивает. Мне нужно вспомнить *сейчас*.

– Почему?

– Неужели непонятно? Это мой единственный ключ. Картина принадлежала миссис Ланкастер…

– В любом случае у тебя здесь неувязка, – сказал Томми. – Я вот что имею в виду. Да, картина принадлежала миссис Ланкастер. Но она вполне могла купить ее на выставке. Или ее приобрел кто-то из родственников. Может быть, картину ей подарили. Миссис Ланкастер взяла ее с собой в «Солнечный гребень», потому что та ей нравилась. Нет никаких оснований считать, что картина обязательно имеет какое-то отношение к ней лично. Иначе она не отдала бы ее тетушке Аде.

– Это мой единственный ключ, – повторила Таппенс.

– Тихий, симпатичный домик, – сказал Томми.

– Но тем не менее пустой.

– Что значит «пустой»?

– Мне кажется, в нем никто не живет. Из него никто и никогда не выйдет. Никто не пройдет по мостику. Никто не отвяжет лодку и не уплывет в ней.

– Господи, Таппенс. – Томми уставился на жену. – Да что это с тобой такое?

– Я так и подумала, когда увидела картину в первый раз. Какой милый домик, и как хорошо было бы в нем жить… А потом подумала, что там ведь никто не живет. Точно никто не живет. Вот тебе и доказательство, что я видела его раньше… Стоп. Минутку. Минутку… Что-то вспоминается…

Томми не сводил с жены глаз.

– Из окна, – выдохнула Таппенс. – Из окна машины? Нет, угол был бы не тот. Если ехать вдоль канала… горбатый мостик… розовые стены домика… два тополя… нет, больше двух. Да, там много тополей. Господи, если бы только вспомнить…

– Ну, хватит, Таппенс.

– Оно еще вернется.

– Господи. – Томми взглянул на часы. – Мне пора. Надо поторапливаться. Ну тебя с твоими наваждениями.

Он соскочил с кровати и поспешил в ванную. Таппенс откинулась на подушки, закрыла глаза и попыталась усилием воли вернуть ускользающее воспоминание.

Томми наливал вторую чашку кофе, когда в столовую ворвалась раскрасневшаяся Таппенс.

– Вспомнила. Теперь я знаю, где видела тот домик. Из окна вагона.

– Где? Когда?

– Не знаю. Буду думать. Помню, что я еще сказала себе, что однажды выйду и посмотрю на дом. Даже попыталась узнать название следующей станции. Но ты ведь знаешь, какие сейчас железные дороги. Они уже убрали половину станций, и от следующей, через которую мы проехали, ничего не осталось – платформа заросла травой, ни столба, ни указателя.

– Где, черт возьми, мой портфель? Альберт!

После лихорадочных поисков Томми заглянул в столовую – попрощаться. Таппенс сидела, задумчиво взирая на яичницу.

– Пока. И, ради бога, не суй свой нос в то, что тебя не касается.

– Я, пожалуй, – задумчиво сказала Таппенс, – покатаюсь на поезде.

У Томми немного отлегло от сердца.

– Да, покатайся, – поддержал он. – Купи сезонный билет. Есть такая схема, воспользовавшись которой можно проехать тысячу миль по всем Британским островам за весьма умеренную, фиксированную цену. Тебя это должно устроить во всех отношениях. Можно ехать куда хочешь и на каком хочешь поезде. Займешь себя до моего возвращения.

– Передай привет Джошу.

– Передам. – Томми с некоторым беспокойством посмотрел на жену и добавил: – Уж лучше бы ты поехала со мной. Не наделай глупостей, ладно?

– Не наделаю, – пообещала Таппенс.

Глава 6
Таппенс идет по следу

– Ох, господи, господи, – вздохнула Таппенс, обводя комнату унылым взглядом. Никогда еще она не ощущала себя такой несчастной. Нет, миссис Бересфорд, разумеется, знала, что будет скучать без Томми, но не думала, что ей будет недоставать его так сильно.

За долгие годы совместной жизни они почти не расставались на сколь-либо продолжительное время. Начав работать вместе еще до брака, они называли себя парой «юных искателей приключений». Вместе они прошли через многочисленные трудности и опасности, поженились, обзавелись детьми, и, когда мир уже начал казаться им скучным и постаревшим, разразилась вторая война, и супруги снова оказались на передовой британской разведки. К работе эту весьма необычную пару привлек тихий, незаметный человек, называвший себя «мистером Картером», распоряжениям которого все подчинялись беспрекословно. Снова приключения, и снова вместе. Правда, на сей раз планировалось иначе. Мистер Картер завербовал одного лишь Томми. Однако Таппенс, проявив свойственную ей изобретательность, подслушала разговор, так что когда Томми в роли некоего мистера Медоуза прибыл в гостевой домик на морском побережье, первой, кого он встретил там, была немолодая леди с вязальными спицами. Она подняла голову, посмотрела на него невинными глазами и представилась как миссис Бленкенсоп. Дальше они работали уже вместе.

Однако, подумала про себя Таппенс, сейчас этот номер уже не пройдет. Проникнуть в секретное поместье и принять участие в запутанных играх МССБ не помогла бы ни изобретательность, ни острый слух, ни что-либо еще. «Тоже мне, клуб ветеранов», – сердито подумала она. Без Томми опустела не только квартира, но и весь мир. «И чем же, – спросила себя Таппенс, – мне заняться?»

Вопрос на самом деле был риторический, потому что она не только решила, чем займется, но и сделала первые шаги по выбранному пути. О разведке, контршпионаже или чем-то подобном речь не шла. Ничего официального. «Теперь я – Пруденс Бересфорд, частный сыщик», – сказала она себе.

Наспех перекусив и убрав со стола, Таппенс расстелила железнодорожные расписания, справочники, карты и даже положила старые дневники, которые ей удалось разыскать.

В какой-то из дней последних трех лет (не далее, в этом у нее сомнений не было) она ехала в поезде и, глядя в окно вагона, увидела домик. Но каким маршрутом?

Как и большинство их соотечественников в наше время, Бересфорды путешествовали преимущественно на машине. Железной дорогой они пользовались редко.

Ездили в Шотландию, где жила их замужняя дочь, Дебора, – но только ночным поездом.

Ездили в Пензанс, где проводили летний отпуск, – но эту линию Таппенс знала наизусть.

Нет, нужная ей поездка была более случайной, может быть, даже разовой.

За дело Таппенс взялась со свойственным ей усердием и последовательностью и в первую очередь составила список всех возможных поездок, которые могли бы, так или иначе, соотноситься с предметом ее поисков. Пара поездок на скачки, визит в Нортумберленд, два посещения Уэльса, крестины, две свадьбы, распродажа, доставка щенков по просьбе подруги, которая их вырастила, но слегла с гриппом. Они встретились на каком-то пустынном полустанке, название которого вылетело из памяти.

Таппенс вздохнула. Похоже, единственное, что осталось, – это принять предложенный Томми вариант: купить «круговой» билет и проехать по наиболее вероятным маршрутам.

Она взяла записную книжечку и записала обрывки воспоминаний – на всякий случай.

Шляпка… Да, шляпка, которую она, перед тем как сесть, положила на полку. Она ехала в шляпке… на свадьбу или крестины… определенно не за щенками.

Второе неясное воспоминание – она сбросила туфли, потому что натерла ноги… Да, именно так. Она смотрела на домик и сбросила туфли.

Значит, поездка была связана с каким-то мероприятием, и она ехала либо туда, либо оттуда. Скорее возвращалась – ноги потому и болели, что она долго стояла где-то в своих лучших туфлях. А какая была шляпка? Это могло помочь – шляпка с цветком, летняя, для свадьбы, или бархатная, зимняя?

Таппенс выписывала данные по разным веткам из железнодорожного расписания, когда в комнату вошел Альберт и спросил, что приготовить на ужин и что нужно заказать у мясника и бакалейщика.

– Я, наверное, уеду на несколько дней, так что заказывать ничего не надо. Собираюсь в поездку по железной дороге.

– Может быть, приготовить сэндвичей?

– Можно. С ветчиной и чем-нибудь еще.

– С яйцом и сыром пойдет? А еще у нас залежалась баночка паштета – его давно пора съесть.

Предложение отдавало душком, но Таппенс кивнула:

– Хорошо. Пойдет.

– Распоряжения насчет пересылки писем будут?

– Я пока еще не знаю, куда поеду.

– Понятно.

Приятно иметь дело с человеком, который все понимает. Альберту никогда и ничего не нужно было объяснять.

Он удалился, а Таппенс вернулась к своим записям, чтобы попытаться найти некое мероприятие, присутствие на котором требовало наличия шляпки и выходных туфель. К сожалению, те, что она записала, имели отношение к разным линиям: на одну свадьбу она добиралась по Южной железной дороге, на другую ездила в Восточную Англию, а на крестины – в Бедфорд.

Вот бы вспомнить еще какие-нибудь детали пейзажа…

Она сидела с правой стороны вагона. А что видела *до* канала? Лес? Деревья? Поля? Деревню вдалеке?

Мыслительному усилию помешало возвращение Альберта. Таппенс досадливо поморщилась, не зная и даже не догадываясь в этот момент, что застывший в дверях Альберт и был ответом на ее молитву.

– Ну, что еще?

– Если вас не будет весь день завтра…

– И послезавтра тоже…

– Можно ли мне будет взять выходной?

– Да, конечно.

– У Элизабет появилась сыпь, и Милли подозревает корь…

– Господи. – Милли была женой Альберта, а Элизабет – младшей из детей.

– И Милли, конечно, хочет, чтобы ты оставался дома.

Альберт жил неподалеку, в небольшом уютном домике.

– Тут даже не это. Когда у нее хлопот полон рот, она предпочитает, чтобы я не крутился под ногами, но есть другие дети, и я мог бы занять их чем-то, куда-то увести…

– Конечно. У тебя ведь сейчас, наверное, карантин.

– По-моему, было б лучше, чтобы они переболели, да и дело с концом. Чарли переболел, и Джина тоже. Так вы не против, если я возьму выходной?

Таппенс заверила его, что она не против.

И тут что-то шевельнулась в глубине подсознания. Корь… Да, корь. Что-то, связанное с корью.

Но какое отношение домик у канала может иметь к кори?

Ну конечно! Антея. Антея была крестницей Таппенс, и дочь Антеи, Джейн, только пошла в школу. Антея позвонила перед церемонией награждения – двое ее младших слегли с корью, помощи по дому ждать не от кого, а Джейн ужасно расстроится, если никто не придет. Не могла бы Таппенс?..

И Таппенс, разумеется, согласилась. Она ничем особенным не занята, а потому съездит в школу, заберет Джейн, угостит ланчем и посмотрит с ней спортивные соревнования и все остальное. Для поездки будет организован специальный поезд.

Все вдруг вернулось с поразительной ясностью, она даже вспомнила, в каком была платье – летнем, с васильками.

А дом видела, когда возвращалась.

По пути туда Таппенс читала купленный в дорогу журнал, а когда ехала обратно, читать было нечего, и она просто смотрела в окно, пока не задремала от усталости.

Когда она проснулась, поезд шел возле канала. Местность была лесистая, иногда за окном мелькал мост, иногда дорога, ферма вдалеке, но деревень не попадалось.

Поезд начал замедлять ход без какой-либо видимой причины – разве что по сигналу светофора, – дернулся и остановился у мостика, небольшого горбатого мостика, переброшенного через заброшенный уже канал. По другую сторону канала стоял домик, и Таппенс сразу же подумала, что более симпатичного еще никогда не видела – тихий, уснувший, в золотом свете предвечернего солнца.

Людей видно не было. И не только людей, но и собак, и скота. Однако зеленые ставни не были закрыты. Должно быть, в доме кто-то жил, но в тот момент он был пуст.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.